

Томаровка, 22 июня 1941 года

(воспоминания Швеца Василия Васильевича)

Недавно в наш историко-краеведческий музей пришла бандероль от сына Героя Советского Союза Василия Васильевича Швеца — Евгения Васильевича, где он прислал воспоминания отца о событиях коллективизации начала 1930-х годов и начале Великой Отечественной войны в слободе Томаровке, записанные в 1990-е годы.

Предлагаем нашим читателям выдержки из этих воспоминаний о том, как Томаровка встретила начало войны.

Вот, что вспоминал Василий Васильевич Швец: «Томаровка, что на Белгородчине — большое и на удивление красивое село, с широкими улицами и садами, лежит на берегу реки Ворскла — в 40-х годах районный центр Курской области.

Здесь я родился, прошло моё детство и юность, окончил среднюю школу, здесь в сентябре месяце 1941 года погибла моя мать — первая и единственная жертва от первой бомбардировки станции Томаровка одним и единственным немецко-фашистским самолётом.

Не знал я, что через два года Томаровка и район станут центром величайшей битвы на южном фронсе Курской дуги...

1941 год, 22 июня — обычный солнечный день для этого времени в этой местности.

С раннего утра народ повалил в центр села на базар, кто, что продать, а кто, что купить — такой исторически сложившийся обычай в этом селе, да и не только в этом селе, а и в этой местности.

Базар в разгаре — радостные лица, улыбки, смех, все празднично одеты, стеллажи и полки завалены продовольствием и товарами.

Люди стали жить лучше и богаче — это было заметно по одежде, по поведению, по культурным и бытовым запросам.

Никто не знал, и никто не мог в этот день даже подумать, что уже на западных границах полыхает пламя войны, так как народ верил партии, Правительству, Сталину.

Никто не мог не только сказать, а даже подумать о том, что Сталин может ошибаться. Сталину верили в стране, как хорошему отцу в семье. Сталин в сознании народа был непогрешим.

Если бы в этот день в нашей деревне до 12 часов дня кто-то сказал, что началась война, его бы посчитали сумасшедшим или приклеили кличку «врага народа».

Томаровка грузили и отправляли за границу еженедельно 2-3 вагона отборной пшеницы, и даже в этот воскресный день стояли под погрузкой вагоны.

А сообщение ТАСС 14 июня 1941 года, что отражало: «...По данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы...»

О чём оно говорило? Оно говорило о том, что И.В. Сталин и его ближайшие помощники (а даже они не могли возразить Сталину, так как, с одной стороны, верили ему, а, с другой стороны, боялись его), сделали непоправимый просчёт в оценке политической и военной обстановки за 8 дней до начала нападения Германии на Советский Союз.

Но война уже началась...

В это время в деревне, а тем более и в районном центре, мало было радиоприёмников, но радиоточки с большими растроками чёрных репродукторов были почти в каждом доме. Репродукторы устанавливались на улицах, площадях и многолюдных местах.

Без 10 минут до 12 часов 22 июня — вдруг передача музыки неожиданно прекратилась. Диктор объявил: «Внимание, внимание, говорят все радиостанции Советского Союза, в 12 часов будет передано важное правительственное сообщение». Такое объявление прозвучало три раза.

Люди на базаре начали подходить поближе к репродукторам. Выступил с заявлением к народу от имени Советского правительства Председатель СНК В.М. Молотов.

Заканчивалось это заявление словами, которые потом долго были лозунгами в печати: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Народ слушал, затаив дыхание. Сразу же после заявления включили музыку — видимо нечего было передавать.

Народ охватил ужас — базар разбежался в один миг. Улицы деревни опустели. Воскресного дня, как и не было. Все разбежались по домам. Каждый думал, что же

Фотография Михайловского храма Томаровки в период оккупации, лето 1942 года (фото сделано со стороны современной улицы Первомайской)

На трибуне появились работники райкома и райисполкома: 1-й секретарь Булгаков, председатель райисполкома Жидких и другие. Начался митинг, собралось около 1,5 тысяч человек.

Выступает молодой рабочий Бураков — парень в плечах кося сажень, его слова потрясли людей до глубины души: «Мне 18 лет, только окончил 10 классов, работаю как полмесяца, хотел заработать на костюм. Завтра записываюсь добровольцем, призываю и других поступить также, как и я. Уничтожим фашистскую гадину...»

И так, один за другим выступали рабочие, колхозники, учителя... Допоздна продолжался митинг. Лица посуровели, ни смеха, ни улыбок, каждый думал про себя.

Пришёл и я домой, отец и мать пришли раньше. Отец сразу же спрашивает: «Ну что надумал, комсомолец?» «Пойду добровольцем» — отец ничего не сказал, а мать бросилась в плачь.

На другой день тайком от родителей в Доме пионеров собрались мы — активисты кружков на совет. Тут Ваня Сергеев, Миша Быков, Коля Ткачёв, Василий Швец, Гудыменко, Цихманов и другие. Решение приняли быстро. Пишем заявления в РВК (Райвоенкомат), принять добровольцами в Красную Армию. Написали. И этой группой в военкомат. Не тут-то было. Военкомат забит, к военкому не пробраться. Долго ждали, всё же к вечеру военком капитан Долгих нас принял, но тут же сказал, что сейчас, ребята, не до вас, т.к. начался призыв, но заявления всё же взял, поблагодарил и сказал, что примет нас вторично. Медленно потянулись день за днём, а вызова всё же нет.

Собрались и 4 июля, после выступления И.В. Сталина по радио, пошли в райком комсомола к секретарю Солодовникову, с жалобой на военкома. Солодовников сказал, что он власти не имеет, т.к. вся власть у военкома, но постарается нам посодействовать. Посодействовал он или нет, так мы и не знаем, т.к. нашу просьбу удовлетворили только к концу июля.

Чего только мы не передумали за это время. Сначала мы боялись одного, что война окончится без нашего участия, и что было самое страшное для нас.

Что же предпринималось местными властями на местах в такое военное время?

У населения были изъяты радиоприёмники, ружья, велосипеды — чего тогда в нашем пользовании не было.

На колокольне церкви (Михайловской, на месте здания администрации — С.С.) районным отделом НКВД оборудовали так называемый пункт ВНОС (расшифровывается, как войска воздушного наблюдения, оповещения и связи — С.С.) с телефоном к дежурному по этому отделу. Для

чего и для кого нужен был такой пункт, мне до сих пор не понятно. И мне пришлось дежурить одну ночь на этом пункте.

Я бы о нём не рассказывал, но вынужден, т.к. произошёл анекдотичный случай, показывающий глупость органов НКВД на местах.

Был установлен график дежурства, причём не по 2 человека, а по одному, и дежурили по 12 часов в день. Я не сумел сообщить родителям, что я должен дежурить, т.к. отец работал на железной дороге, а мать в колхозе. Придя домой, мать забеспокоилась — где я нахожусь? Через ребят всё же узнала, где я нахожусь и принесла мне кушать.

Наверх, на колокольню посторонним заходить запрещено, но всё же мой младший брат забрался и сообщил, что мать меня хочет видеть и покормить. Я позвонил по телефону — отдел не ответил. Я оставил брата на дежурстве, а сам сошёл, чтобы покушать. Но и надо же сработать «закону подлости», что мне позвонили, а меня на месте не оказалось!

Немедленно я был снят с дежурства и водворён в комнату с решётками при районном отделе НКВД. Просидел я в этой комнате 3 дня и вызывался 17-летний парень на допрос 4 раза. При допросе допрашивающий вынимал пистолет и клал его на стол. После этого, мне угрожали расстрелом по законам военного времени. Что же, приём воздействовал, и я плакал навзрыд. Главное в допросе, как я понял, было, что я сделал это умышленно или не умышленно?

Я так им сказал, как я это сделал — сказал только то, что я хотел кушать.

Мать обратилась к Александре Петровне Булгаковой (жене 1-го секретаря райкома) и меня выпустили, инцидент был исчерпан.

И когда я, уже после освобождения Томаровки, приехал на Родину и поинтересовался, где же этот работник, который меня допрашивал, мне сказали, что он служил при немцах в полиции и сбежал с немцами.

Вскоре в Томаровке сформировался истребительный батальон, в основном из юношей и девушек допризывного возраста и также людей, старше 50 лет. Батальон то сформировали, а оружия 2-3 винтовки, которые были в районном отделе «Осоавиахима». Задачи батальона — тушить очаги пожаров на случай бомбардировок и борьба с диверсантами. Для чего было формировать такой батальон с такими задачами? Надо было поставить задачу батальону — эвакуацию продовольственных запасов.

А это сделано не было. Как после войны я узнал, запасы продовольствия в пакаузах разобрал народ по домам, перед захватом района немцами. А запасы были большие — особенно зерна, причём нового урожая».

Материал подготовил к печати краевед С.В.Саенко

Народный дом — Дом Культуры слободы Томаровка, 12 декабря 1937 года

23 августа 1939 года в Москве был подписан советско-германский договор о ненападении сроком на десять лет. Сейчас говорят, что это был дальновидный шаг советской внешней политики, мудрое решение Сталина.

Народ в деревне верил этому шагу и знал, что договор выполняется Советским государством, т.к. из пакгаузов станции

делать, как быть?

Спустя 2 часа народ стихийно потянулся опять в центр, но уже не на базар, а в Народный дом (Народный дом), так назывался раньше клуб.

Мы, ребята по 17-18 лет, когда появились в клубе, нельзя было просунуться — всё было забито. Кто-то крикнул: «Выходи на площадь!»